

УДК 398
ББК 82.3(2=411.2)

Материнство как духовная константа в многожанровом сборнике донского фольклора

Ирина Николаевна Райкова

(Московский городской педагогический университет:
Российская Федерация, 129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр., д. 4)

Аннотация. В статье дается научный обзор редкого регионального тематического сборника текстов разных жанров «А родимой-то матушки да милее в свете нету. Донской фольклор о матери», подготовленного в 1983 г. донским фольклористом и педагогом Т. И. Тумилевич главным образом на основе полевых материалов. Представлен срез традиции 1940–1970-х гг., показывающий, что в живом бытовании в эти годы на Дону можно было услышать паремии, необрядовые протяжные, эпические, свадебные лирические песни, похоронные, рекрутские и свадебные причитания. Анализируется его жанровый и сюжетный состав, выявляются общерусские традиционные мотивы и формулы и местная специфика. В связи с тематическим ядром сборника характеризуются феномен материнства как универсальная, сложная духовная константа и отношения матери и взрослого сына как ее важная составляющая. Структура антологии рассмотрена как «жизненный текст» матери в фольклорном освещении. Внимание уделено поэтике песенных текстов, в частности символике природных образов. Выявляется актуальность сборника для своего времени и в наши дни, его значение соотносено с последующими научными изысканиями фольклористов. Сделан вывод, что материал сборника Т. И. Тумилевич должен быть учтен при дальнейшем исследовании локальных и региональных традиций, выявлении их доминантных черт, систематизации песенных сюжетов в их вариантах разного времени.

Ключевые слова: региональный сборник, донской фольклор, мать, материнство, песенная традиция, паремии, природные образы.

Дата поступления статьи: 12 декабря 2024 г.

Дата публикации: 25 марта 2025 г.

Для цитирования: Райкова И. Н. Материнство как духовная константа в многожанровом сборнике донского фольклора // Традиционная культура. 2025. Т. 26. № 1. С. 164–174.

DOI: 10.26158/TK.2025.26.1.013

«А родимой-то матушки да милее в свете нету. Донской фольклор о матери» — многожанровая региональная антология донского фольклора, подготовленная и изданная в 1983 г. талантливым фольклористом и педагогом Тамарой Ивановной Тумилевич [А родимой-то матушки 1983]. Аналогов этой небольшой по объему книги не существует до сих пор благодаря тематическому принципу отбора материала: под одной обложкой собраны фольклорные тексты, объединенные образом матери, темой материнства, различными, но неизменно значимыми для идейно-художественного мира произведений упоминаниями матери, матушки. По свидетельству составителя, это первый опыт «издания донского фольклора по тематическому принципу» [Там же, 13].

Актуальность этой работы не только для своего времени, но и в наши дни не вызывает сомнений: материнство является одной из базовых и наиболее фундаментальных ценностей человека и человечества. «Только в материнстве, высшей форме проявления женского начала, женщина реализует себя полностью» [Кабакова 2004, 203]. Феномен материнства в последнее время — объект пристального внимания и изучения многих наук: психологии, педагогики, социологии, этнографии, культурологии, философии, филологии и др. Волна повышенного интереса во многом объясняется произошедшим на рубеже XIX–XX вв. размыванием традиционного восприятия женщины, ее предназначения и места в социуме и культуре. Современные психологи пишут: «Материнство как ценность и отношение, осознание и переживание, поведение и деятельность, представляет собой один из сложнейших феноменов человеческого бытия. По множеству переплетающихся биологических, психологических, социальных, культурно-исторических факторов он уникален» [Куликов, Малёнова, Потапова 2020, 135].

Всё больше исследователей сходятся на том, что женщина-мать имеет уникальный взгляд на жизнь в целом, как человек,

эту жизнь создающий прямо внутри себя. При этом материнство не заканчивается деторождением, а только начинается им. Рождение ребенка — лишь малая часть того, что отдает женщина этому миру. Кроме него, материнство вбирает в себя воспитание, возвращение, духовно-нравственную поддержку детей, хранение домашнего очага, формирование и сохранение семейных бытовых процессов и культурных традиций, особую женскую природную мудрость и совет, основанный и на жизненном опыте, и на эмоционально-интуитивном постижении мира и человеческих отношений. «В отличие от отца, воплощающего закон и долг, мать ассоциируется с эмоциями, прежде всего с любовью и лаской», — справедливо рассуждает Г. И. Кабакова [Кабакова 2004, 203]. В процессе осмысления многогранности женщины-матери всё более очевидным становится то, как много она значит для человечества.

От древнего мира, античности до современности образ матери остается одним из наиболее важных, устойчивых и вечных в искусстве, отражая сложность человеческого духовного опыта, эмоций и общественных изменений. С архетипом Матери в культуре ассоциируются «материнская забота и сочувствие; магическая власть женщины; мудрость и духовное возвышение, превосходящее пределы разума; любой полезный инстинкт или прорыв; всё, что отличается добротой, заботливостью или поддержкой и способствует росту и плодородию» [Пушкина 2005]. «Вечная мудрость и прелесть материнства, — пишет Т. И. Тумилевич, — воспеты в лучших творениях мирового искусства, которые, независимо от национальной принадлежности их авторов, несут в себе высокую художественную правду, напоминая всем нам, кому мы обязаны своим рождением и нравственным здоровьем. Высоким языком поэзии говорится о матери в произведениях устного народного творчества» [А родимой-то матушки 1983, 6].

Говоря о феномене материнства, отраженном в сборнике Т. И. Тумилевич,

нельзя не отметить высокий статус матери в казачьей общине и традиционной культуре казаков. Исследуя его в монографии о домашнем мире донских казаков на сломе эпох (конец XIX — середина XX в.), Т. Ю. Власкина пишет: «...основу роста и семейного, и общественного положения казачки составляла ее полноценная реализация в браке, однозначно предполагавшая успешное родительство» [Власкина 2011, 103]. Автор приходит к выводу, что в рассматриваемый период положение матери-казачки «развилось в сложную систему прав и обязанностей, сложилось в культурно значимый стереотипный образ, обладающий выраженными мифологическими чертами и, наконец, закрепилось признанием значимости материнства на официальном войсковом уровне...» [Там же, 104]. Поэтому весьма закономерно обращение составителя рассматриваемого регионального сборника к материнству как духовной константе, объединяющей традиции разных жанров.

Песенные тексты в издании предваряются и далее перемежаются паремиями о матери, матери-земле, родине-матери, казачьей песне. К сожалению, паремии не паспортизованы, однако во вступительной статье указано (и в этом нет оснований сомневаться), что они записаны на Донской земле.

Пословицы о матери отражают основополагающие ценности народного мировосприятия: ценность материнства как единства природного и духовно-нравственного начал, ценностное отношение к матери как одной из главных святынь, которая нуждается во всеобщей защите («Женщина — мать, всё ее должно защищать» [А родимой-то матушки 1983, 5]). Но и мать — главная защита для детей, за ней им как за каменной стеной: «Мать праведна — ограда каменна» [Даль 1989, 339]. Любовь матери, ее молитва и благословение способны оберегать детей от всего на свете, спасать даже в безнадежных ситуациях. Такая любовь поистине творит чудеса, считает народ: «Родительское благословение на воде не тонет, в огне не горит» [А родимой-то

матушки 1983, 70–71]. Радужная картина материнско-детских отношений здесь не нарушена предостережением о беспощадности материнского гнева, силе проклятия — такое предостережение тоже есть в фольклорной традиции и выражено в пословице: «Молитва матери со дна моря поднимает, проклятие же потопляет» [Кабакова 2004, 203].

В поэтически светлых тонах рисуется образ матери как источник тепла, добра, радости детей: «Птица радуется весне, а младенец — матери» [А родимой-то матушки 1983, 16–17]. Народная мудрость сравнивает радость младенца при виде (возвращении) матери с весенним расцветом природы, добро, исходящее от нее, — с теплом дающего жизнь верховного светила: «При солнце тепло, а при матери добро» [Даль 1989, 339]. Добавим, что по народным представлениям и в жизни женщины деторождение — своего рода весна, расцвет, и наличие детей в семье фольклорная традиция ассоциирует со светом и теплом: «Сын да дочь — ясно солнце, светел месяц» [Там же, 335].

В пословицах утверждается также, что мать и ребенка связывает самая нежная и верная дружба: «Нет такого дружка, как родная матушка» [А родимой-то матушки 1983, 38–39]. Мама — друг сердечный, она может, как никто другой, понять, успокоить детей, облегчить их душевную тревогу.

По справедливому обобщению Г. И. Кабаковой, для славян «...характерно представление о трех матерях человека — родной матери, Богородице и матери — сырой земле, отраженное как в устной традиции, так и в письменной», при этом родная земля, земля предков соотносится с образами отца и матери [Кабакова 2004, 207]. «Наибольшую аналогию с матерью в представлениях древних давала Земля благодаря своему огромному созидательному, творческому потенциалу <...> в культуре восточных славян этот архетип наиболее полно раскрывается в многофункциональном образе Матери-Земли» [Пушкина 2005]. Это обусловило наличие мотива матери-земли, родины-матери

в текстах, отобранных Т. И. Тумилевич, включение пословиц о малой и большой Родине: «Земля донская — мать родная» [А родимой-то матушки 1983, 5], «За морем теплее, а дома — светлее» [Там же, 56–57], «Глупа та птица, которой гнездо свое немило» [Там же, 86–87].

Как уже говорилось выше, мать — средоточие эмоциональных связей семьи, поэтому неслучайно издание донского фольклора о матери в качестве основного материала включает песни и причитания. Из 37 поэтических текстов сборника абсолютное большинство (29) — собственные полевые записи Тамары Ивановны Тумилевич и ее учеников, что весьма ценно и что ярко представляет региональный срез фольклорной традиции конца 1940-х — 1970-х гг., демонстрируя, что в живом бытовании в эти годы в сольном исполнении от мужчин и женщин, а также от небольших певческих групп можно было услышать песни необрядовые протяжные (главным образом мужского репертуара, так называемые молодецкие¹), эпические (былины, исторические песни), свадебные лирические песни, похоронные, рекрутские и свадебные причитания. Некоторые тексты даны в вариантах, что немаловажно для исследователей. Записи велись в городе Белая Калитва, станицах Обливской, Багаевской, Казанской, Константиновской, Романовской, Манычской, Вёшенской, Задано-Кагальницкой, хуторе Терновском Ростовской области; станицах Есауловской, Нижнечирской, Голубинской, хуторах Тормосин (указан в книге как Тормосино), Гормиловский Волгоградской области; хуторе Ново-Некрасовский Краснодарского края. К сожалению, паспортизация полевых записей неполная: отсутствуют подробные сведения о собирателях, исполнителях (есть только их фамилии и инициалы), месте архивного хранения. Очевидно, восстановление лакун в ходе разбора архива Т. И. Тумилевич остается на перспективу.

Книга, помимо полевых записей, содержит тексты, почерпнутые из региональных изданий донского фольклора XIX–XX вв.: «Сборник донских народных песен» (1866), подготовленные А. М. Листопадовым собрания «Песни донских казаков, собранные в 1902–1903 гг.» (1911, собраны совместно с С. Я. Арефиным), «Старинная казачья свадьба на Дону. Обряды и словесные тексты» (1947), «Былинно-песенное творчество Дона» (1948), а также из книги Ираклия Андроникова «Лермонтов в Грузии в 1837 году» (1955).

Жизнеспособность песенной традиции донских казаков в последующие десятилетия уже неоднократно подтверждалась полевыми исследованиями и публикациями конца XX–XXI вв. Обобщение, систематизация и анализ казачьей песни в этномузыковедческом аспекте были проведены в фундаментальном исследовании Т. С. Рудиченко «Донская казачья песня в историческом развитии» [Рудиченко 2004].

«Семиосфера материнства — по обобщению, сделанному в монографии Т. Ю. Власкиной, — представлена рядом понятий, среди которых — материнское слово (молитва), материнское проклятие, материнское наказание, материнская сила, материнская прозорливость, материнское благословение» [Власкина 2011, 104]. Анализ текстов сборника показывает, что почти все эти понятия раскрываются в образной форме в художественном мире донских песен.

Порядок следования отобранных составителей песен примерно соотносится с инвариантным «жизненным текстом» матери, который начинается с обретения женщиной этого статуса. Подборка песен соответственно открывается колыбельными: их женщина начинала исполнять сразу после рождения ребенка. Этот жанр выполнял как познавательную и дидактическую функции, способствуя постепенному освоению младенцем окружающего

¹ По замечанию Т. Б. Диановой: «Мужская песенная традиция (“молодецкая” лирика, в противовес девчечьей) выделяется как фольклористами-филологами, так и этномузыкологами, хотя ее определение не всегда четкое, как правило, основано на тематической отнесенности песенного сюжета и преимущественном составе исполнительских коллективов» [Дианова 2011, 257].

мира, семейных связей, родного языка и т. п., так и магические (апотропейную, продуцирующую): верили, что материнское слово обеспечит ребенку защиту от невзгод на долгие годы вперед, привлечет здоровье, счастье, процветание. Такова колыбельная песня с идиллическим описанием нежной заботы о младенце на лоне природы («На цветочках было на лазоревых, / На травушке было на шелковенькой...» [А родимой-то матушки 1983, 20]), перечислением того, от чего мать бережет и будет в дальнейшем беречь сына. Однако донская колыбельная заканчивается неожиданной реалистической проекцией во взрослую жизнь, полную опасностей, от которых мать не в силах уберечь:

...Берегла-то мать сына от солнышка
от красного,
Берегла мать сына от сильных дождей,
Не уберегла мать сына от службы
государевой
[Там же].

Что касается неотвратимой для казака, но опасной царевой службы, обратим внимание на пояснение, которое делает Т. С. Рудиченко при рассмотрении ключевых концептов казачьей картины мира: «Служба как привычный и единственно возможный способ жизни, превратившись в повинность, постепенно обнажает свои негативные стороны, как бы открываясь в казачьем фольклоре с иной точки зрения». Еще в эпоху Петра I было заложено противопоставление службы из чести службе как государственной повинности [Рудиченко 2004, 49].

В сборник, кроме этой колыбельной, включен фольклорный (сокращенный по сравнению с оригиналом) вариант «Казачьей колыбельной песни» М. Ю. Лермонтова (1838). Во вступительной статье Тамара Ивановна пишет о счастливой песенной судьбе стихотворения в казачьей среде. Добавим: не только в казачьей, но и в общерусской национальной традиции. В настоящее время уже очевидно, что многочисленные варианты этой авторской колыбельной, записанные в раз-

личных регионах, — подтверждение ее подлинной фольклоризации. Факторы, обусловившие этот процесс (речь идет о названном стихотворении Лермонтова, а также о «Колыбельной песне» А. Майкова (1860)), точно определил В. В. Головин: «1. Мощная “пропаганда” данных текстов через учебники и хрестоматии, через учебно-методическую литературу для всех рангов учебных заведений уже с момента первой публикации текста. Песенники играют менее существенную роль. 2. Уникальное соответствие данных произведений фольклорным колыбельным песням по формульному, мотивному и функциональному содержанию» [Головин 2000, 386–415]. Ученый подробно проанализировал оба фактора в диссертации и монографии, апеллируя и к полевым записям [Там же, 386–415], и пришел, в частности, к выводу, что Лермонтов сохранил и показал мотивную структуру фольклорного жанра в исчерпывающей полноте, отсюда и минимум трансформаций в народных вариантах. В. В. Головин указал и на казачью специфику песни: в ней «утверждение ребенка в будущих положительных качествах <...> происходит в литературной, романтической и “казачьей” парадигме» [Там же, 410]. Ученый исследовал и богатую литературную традицию, которую породила колыбельная Лермонтова: влияния, переделки и др. [Там же, 416–426].

Далее в сборнике Т. И. Тумилевич представлено несколько казачьих лирических необрядовых протяжных песен мужского (молодецкого) репертуара (именно они являются ядром сборника), по которым можно проследить повороты материнской судьбы, насыщенные ментальные и эмоциональные связи матери и сына в его взрослении. Думается, чрезвычайно важно, что книга ярко показывает этот психологический аспект феномена материнства, отраженный в фольклорной традиции: становится очевидным, что он имеет отношение не только к культуре детства, ведь для матери сын и дочь в любом возрасте остаются детьми, и взрослые дети (давно ставшие «конем владеть, из ружья

стрелять» — устойчивая местная формула взросления сына) тоже нуждаются в материнской заботе и защите, пусть уже и не физических, в эмоциональном контакте с матерью. И напротив, для женщины сын — главный мужчина в жизни.

Большинство текстов можно отнести по систематизации сюжетов, предложенной в монографии Т. С. Рудиченко, к обширному разделу «Песни службы: протяжные и полупротяжные (в походе, на отдыхе, при чистке оружия, уборке лошадей)» [Рудиченко 2004, 392–419]. Перипетии судеб матери и сына в лирических песнях раскрываются в драматическом и даже трагическом освещении. Интересно, что в подобранных текстах разных жанров налицо сквозные образы и мотивы. «Службица государева», в колыбельной упомянутая как далекое будущее младенца, здесь обретает зримые черты. Никто, кроме родной матушки, не провожает молодца на службу, и, как во все времена, ее интересует главное: когда же он вернется домой. Ответ его поэтичен, но суров, в нем использована так называемая фольклорная формула невозможного. Здесь тот же образ сада зелененького и яблоньки, что и в колыбельной песне, но он нужен ради одной детали:

Как во том-то саду стоит яблонька,
Во той-то яблоньке суха маковка,
Когда она расцветать будет,
Вот тогда-то я и домой буду
[А родимой-то матушки 1983, 22].

В другой песне холостые донские казаки убеждают «отцов-матушек», далеко ушедших, провожая сыновей на службу («Во слезах пути-дороженьки не видят...»), вернуться домой: «не исходить вам по белу свету за нами». Их, казачушек, «долюшка ... несчастная, <...> не-радостная». В представленном далее варианте «во следочек» за служивыми идут именно «родные мамашеньки». С горькой иронией создатели песни передают традиционный фольклорный мотив желания

женщины обернуться пташкой и облететь большое пространство в поисках родного человека: мать уверена, что, облетев «все казармушки», узнает сыночка по приметам — «портупей да фуражечка, / мундир, эполеты» — на поверку это ложные приметы [Там же, 23–24].

Материнские слезы, которые льются и на матушку-землю (родная земля, вторая мать, как бы принимает их, поддерживая женщину), просьба сына к матери не плакать, обещание написать письмо, уверение, что на войне «помирают, толечко не все», что ему якобы досталась «служба добрая», — устойчивые мотивы донской лирики. При отсутствии матери казак жалуется, что провожать его на службу некому, разве что будут соседushки [Там же, 30, 31, 44]. Трогательно звучит вопрос матери, почему ее «чадушко милое» рано состарилось, и ответ сына: состарила его «служба царская», «частые походушки, / Всё редкие переменушки» [Там же, 45].

Трагически окрашен типичный эпизод казачьих и солдатских лирических песен — прощание казака со своим верным спутником и товарищем — конем. Донской казак, «весь изрубленный... в широкую грудь сквозь простреленный», перед смертью вспоминает о матери, просит коня одного скакать домой, на тихий Дон, с печальной вестью. Опубликованный вариант интересен художественными деталями: чтобы намеченное обязательно случилось, молодец учит коня оторвать «шелковой чумбур²», бежать «не стежкой, не дорожкой», а «тропинкою всё звериною», у двора копытом ударить «у вереички». Кульминацией и одновременно финалом песни становится воображаемая встреча коня с матерью казака, старой вдовой. Она, почувствовав недоброе, станет расспрашивать его о своем сыне:

Не убил, не утопил ли ты его,
Во чистом поле положил ты его?
Ты скажи, он жениться захотел,
Обнимает поле чистое теперь
[Там же, 34–35].

² См. сноску на стр. 155

Метафорическая гибель-женильба/венчание воина в чистом поле — тоже устойчивая формула казачьей и солдатской лирики, из фольклора пришедшая и в авторскую песню. В другом представленном в сборнике варианте песни она более развернута, новым родственникам метафорически женившегося героя уподоблены олицетворенные воинские и похоронные атрибуты, а новой матерью становится сыра земля: «Он женился на другой, / А женила его пуля быстрая, / Да пуля быстрая. / А в зятя приняла шашка вострая, / Шашка вострая, А женёнка молодца — гробова доска, / Отец-мать его — всё сыра земля» [Там же, 37]. Еще в одном варианте донской казак, умирающий «в лесах темных, темных, бескоренных» (эпитет подчеркивает, что это элемент чужого пространства), просит товарищей, кому доведется быть на тихом Дону, передать маменьке родной, что на его свадьбе шашка была свашкой, штык булатный — дружком [Там же, 37]. В других песнях воин, страдая от ран, представляет, как весточку матери о его боли передаст птица и даже дубовая веточка, брошенная в реку.

Традиционная символическая формула, встречающаяся и в фольклорной лирике разных жанров, и в пословицах, сопоставляет интенсивность плача и соответственно глубину горя по убитому (по вариантам — призванному в рекруты) мужчине трех близких женщин: матери, сестры и жены (по вариантам — матери, жены и невесты, в некоторых вариантах после сестры фигурируют «детки малые»). Посредством троичной градации водных потоков по убывающей мощности (река — ручей/колодец — капля росы) образно представлено народное психологическое наблюдение: плач матери — самый горький, ее скорбь — самая долгая. В варианте известной песни, опубликованном в рассматриваемом сборнике, женщины прилетели к убитому молодцу в образе трех плачущих черных ласточек:

Где маменька плакала — там речушка
протекла,
Где сестрица плакала — колодезь воды
стоит,
Где женёнка плакала — только роса упала
[Там же, 49]³.

Этот лирический сюжет, кратко названный исследователями «Три ласточки», родственный другому, названному «Стрела», в котором тоже фигурирует эпизод оплакивания молодца тремя женщинами, подробно анализирует Т. Б. Дианова [Дианова 2004]. Исследователь находит корни необрядовой песни в более ранней обрядовой, исполнявшейся в весенних календарных обрядах «вождения» и «похорон» стрелы в южных и юго-западных областях России и восточнославянском Полесье. Песня «Три ласточки», по наблюдениям Т. Б. Диановой, становится «полисоставным текстом», «...отражающим наиболее значимые смысловые составляющие ранневесенних обрядов: прилет птиц, разлив воды, призыв плодородного дождя, начало весеннего брачного периода» [Там же, 17]. Далее происходит трансформация сюжета вне обряда, через мотив оплакивания он соединяется с воинской (казачьей) тематикой, обретает почти эпический размах, может включаться и в мужской репертуар (в обрядовом варианте песни была женской; в рассматриваемом сборнике записана от женщины). В результате анализа исследовательница делает важное обобщение, касающееся связи обрядовой и необрядовой лирики в фольклорном песенном континууме: «...продолжая и вне обряда жить в традиции, песня является одним из ее “связующих звеньев”, сочетающим утилитарные обрядовые смыслы с историческими, общечеловеческие чувства с интимными эмоциями, хранящим в своих поэтических формулах те “нервные узлы” (по выражению А. Н. Веселовского), прикосновение к которым порождает

³ Ср. в пословице о плаче невесты более категорично: «Мать плачет, что река льется; жена плачет, что ручей течет; невеста плачет — как роса падёт; взойдет солнце — росу высушит» [Даль 1989, 311]. Подробнее о символике реки в фольклорной лирике см.: [Райкова 2022].

ет цепи образных ассоциаций в едином поле русской культуры» [Там же, 21].

В другой песне мужчина сам делает непростой выбор, отвечая на вопрос, кто из трех женщин ему милее и «жалче»: теща, жена или матушка родна. Его ответ и дал поэтическое название сборнику: матушки «милей в свете нету»: она «носила да скорбила, / Родила да умирала, / Сердце надрывала, / От бурь-ветров закрывала...» [А родимой-то матушки 1983, 23–24].

В донском варианте былины о начале богатырских подвигов Ильи Муромца, опубликованном в рассматриваемом сборнике, богатырь, как и казаки в лирических песнях, призывает матушку не плакать и не думать о плохом; обещает вернуться к ней и батюшке и заботиться о них, поить и кормить при старости. Благословляет, провожает Добрынюшку на подвиги в другой былине тоже матушка (в донском варианте Ольга Тимофеевна), а через девять лет встречает его первой [Там же, 62, 63, 66, 67]. Мотивы вины перед матерью и силы материнского проклятия реализованы лишь в одном тексте — редком региональном варианте былины о Садко, который здесь не купец или гусяр, а мастер-горшечник. Садко «во глупом-то хмелю», сидя в кабаке, похвывается, что нет его богаче и что он способен «всю Расеюшку» продать и снова выкупить, а Москву «веничком повымест». За это его «кляла родна матушка», и как следствие Садков корабль терпит крушение на море и герой гибнет: «Ну, не держит младца матушка сыра земля» и не держит «на себе морска вода» [Там же, 64, 65]. Т. И. Тумилевич комментирует: «Аспекты переосмысления образа Садко в казачьей среде многообразны, но цель одна: осудить за “глупую похвальбу” героя, не понимающего, что Родину нельзя продать, даже выкупив потом». Для народа быть настоящим сыном родной матери и Родины — понятия нерасторжимые [Там же, 9]. В вариантах исторических песен о Ермаке, Степане Разине и Некрасове, отобранных для данного издания, нет образа родной матери, но упоминаются

матушка-земля и кормилец тихий Дон [Там же, 59–61].

Женские тексты рассматриваемой поэтической подборки уступают мужским по количеству и разнообразию тематики, ключевая тема в них — прощание с матерью выходящей замуж дочери. Элегическая тональность создается обилием природных образов: находили тучи черные, непогожие — и теперь дочь в доме матери «в гостях была, да не угостила...», на обратном пути заблудилась в темном лесу; краса девичья была у родной мамушки, да «пала краса в зеленые леса», без нее жить тошнехонько. Об экофильности, природной ориентированности казачьей культуры в целом и песни в частности, в единстве ее поэтической и музыкальной составляющих, писала Т. С. Рудиченко: это «...раскрытие душевного состояния человека через природные метафоры, развитие событий на фоне ландшафта, волнообразное, горизонтальное развертывание песни в сочетании разновысотных пластов...» [Рудиченко 2004, 262].

В свадебном причитании звучит традиционный упрек дочери в адрес батеньки и маменьки, что те ее просватали, заручили, «с подружками разлучили...». Мать невесты обретает новый статус, становится тещей, отдает зятю драгоценный дар — «свое детище». В плаче невесты-сироты — жалоба на то, что без родной мамушки снарядить и проводить сироту ее есть кому, а благословить-то некому [Там же, 68–78] (ср. выше о подобной же жалобе уходящего на службу/войну сына).

Эмоционального пика материнская лирика достигает в двух причитаниях — плаче по сыну-воину и дочери-полонянке. Убитый сын — «солнушко красное», «месяц чистый», «соколик сизый», «орел поднебесный»; пришла матери весточка черная — «Завяла моя белая розочка со всем корнем». Могила сына далеко, и снова возникает традиционный мотив желания матери обернуться птицей, чтобы летать над могилой сына и петь «материнским голосом». Безутешность женщины, сила ее скорби раскрывается через перечисление того, что она отдала бы за воз-

вращение сына: золотые горы, камня разноцветные, более того: «дали бы мне все жизни — не взяла бы их!». Оба причитания созданы, по комментарию Т. И. Тумилевич, в годы Великой Отечественной войны и записаны в 1946 г., при этом плач по дочке-полонянке переделан из свадебного причитания. В текстах появляются новые мотивы: в других бойцах женщина будет видеть своего сыночка, станет для них желанной матерью; призыв к дочери не быть «послушной-покорной» врагу [Там же, 79–82].

Итак, рассматриваемый сборник еще раз демонстрирует, что развитая донская песенная традиция характеризуется обилием вариантов, в которых получили развитие общерусские «колыбельные», лирические и эпические сюжеты и мотивы, обменом традиционными формулами между песнями различной жанровой природы, взаимодействием обрядовой и необрядовой лирики. Соположение текстов разных жанров при общности темы дает возможность показать универсалии народной культуры в ее локальном проявлении. Материал сборника Т. И. Тумилевич должен быть учтен при дальнейшем исследовании локальных и региональных традиций, выявлении их доминантных черт, систематизации песенных сюжетов в их вариантах разного времени.

Источники и материалы

А родимой-то матушки 1983 — А родимой-то матушки да милее в свете нету. Донской фольклор о матери / Сост., зап. текстов, [вступ. ст., прим.] Т. И. Тумилевич. Ростов н/Д: Ростов. кн. изд-во, 1983.

Даль 1989 — Пословицы русского народа: Сборник Даля: В 2 т. Т. 1 / Вступ. сл. М. Шолохова; Худож. Г. Клодт М.: Худож. лит., 1989.

Исследования

Власкина 2011 — Власкина Т. Ю. Домашний мир на сломе эпох: Очерки традиционной культуры донских казаков (конец XIX — середина XX в.). Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011.

Головин 2000 — Головин В. В. Русская колыбельная песня в фольклоре и литературе. Турку: Åbo Akademi University Press, 2000.

Дианова 2004 — Дианова Т. Б. «Стрела» и «Три ласточки»: песенный текст в поле тра-

И еще раз вернемся к актуальности в наши дни отбора разножанрового фольклорного материала о матери и детях, акцентировании этого идейно-тематического пласта традиции. По данным многочисленных социологических и психологических исследований для молодого поколения женщин России, к сожалению, характерным является несформированное ценностное отношение к материнству, многие из них не считают его главным женским предназначением. Зарождение и активизация феминизма, его постоянная адаптация под современные реалии, увы, способствует расшатыванию в обществе представлений о традиционных гендерных ролях и разрушению семейных ценностей. Не вызывает сомнений существенное психолого-педагогическое значение такого рода тематической антологии, ее влияние на мировосприятие школьников и студентов, что прекрасно понимала Т. И. Тумилевич — опытный педагог, мать и бабушка. Исследование материнства как духовной константы и базисного понятия аксиологии традиционной культуры на материале фольклора позволяет лучше понять его универсальное значение и сложность, его роль в формировании человеческой идентичности и социокультурных норм.

диционной культуры // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2004. № 4. С. 9–24.

Дианова 2011 — Дианова Т. Б. Песни «общерусского репертуара» в составе традиций Русского Севера: диапазон адаптации песенно-лирического текста // Рябининские чтения-2011. URL: <https://kizhi.karelia.ru/library/ryabininskie-chteniya-2011/1329.html?ysclid=m4jhwqpr6r568436249> (дата обращения: 10.12.2024).

Кабакова 2004 — Кабакова Г. И. Мать // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: В 5 т. Т. 3: К (Круг) — П (Перепелка) / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 2004. С. 203–208.

Куликов, Малёнова, Потапова 2020 — Куликов Л. В., Малёнова А. Ю., Потапова Ю. В. Субъективная картина материнства в российских и зарубежных исследованиях // Вестник

Московского университета. Сер. 14. Психология. 2020. № 4. С. 135–167.

Пушкина 2005 — Пушкина О. И. Репрезентация архетипа Матери в мифологических представлениях восточных славян // Весенняя школа-2005. Мифология как система. URL: <https://ruthenia.ru/folklore/pushkina1.htm> (дата обращения: 10.12.2024).

Райкова 2022 — Райкова И. Н. «С моста в реченьку глядела...»: фольклорный образ

реки в кросс-жанровом аспекте // Символика воды в русской словесности и мировой культуре: Кол. монография / Отв. ред. А. И. Смирнова. М.: Книгодел; МГПУ, 2022. С. 171–183.

Рудиченко 2004 — Рудиченко Т. С. Донская казачья песня в историческом развитии. Ростов н/Д: Изд-во Ростов. гос. консерватории им. С. В. Рахманинова, 2004.

© И. Н. Райкова, 2025

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Райкова И. Н. <https://orcid.org/0000-0002-9064-3565>

Кандидат филологических наук, доцент, профессор департамента филологии, заместитель директора по научной работе Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета: Российская Федерация, 129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр., д. 4; тел.: +7 (499) 181-24-62; научный редактор научного альманаха «Традиционная культура»; e-mail: Nikolavna@inbox.ru

Motherhood as a Spiritual Constant in a Multigenre Collection of Don Folklore

Irina N. Raikova

(Moscow City University: 4, 2nd Sel'skohozyaistvennyi pass.,
Moscow, 129226, Russian Federation)

Summary. *This article provides a critical review of a rare regional thematic collection of texts of different genres, “And there is no one dearer in the world than one’s own mother. Don Folklore About the Mother”, prepared in 1983 by the Don folklorist and teacher T. I. Tumilevich mainly on the basis of field materials. It presents a cross-section of works from the 1940s to the 1970s showing that living on the Don in these years one could hear paremias, non-ceremonial drawn out songs, epics, wedding and funeral songs, as well as recruitment and wedding lamentations. Tumilevich discusses the works’ genre and plot structure and identifies all-Russian traditional motifs and formulas as well as their local specifics. In connection with the thematic core of the collection, motherhood is presented as a universal though complex spiritual phenomenon; the relationship between mother and adult son is shown to be an important component. The structure of the anthology is held to represent the “life text” of a mother as illuminated in folklore. Attention is paid to the poetics of song lyrics, to the symbolism of natural imagery, in particular. The author discusses the relevance of the collection for its time and for today, and relates it to subsequent folklore research. She concludes that the material Tumilevich collected should be taken into account when doing further research on local and regional traditions, when identifying their dominant features, and when systematizing song plots from different times by their variants.*

Key words: regional collection, Don folklore, mother, motherhood, song tradition, parodies, natural images.

Received: December 12, 2024.

Date of publications: March 25, 2025.

References

Vlaskina T. Yu. (2011) Domashnii mir na slome epokh. Ocherki traditsionnoi kul'tury donskikh kazakov (konets XIX — seredina XX v.) [The Domestic World at the Turn of an Epoch: Essays on the Traditional Culture of the Don Cossacks (Late Nineteenth — Mid Twentieth Century)]. Rostov n/D: Izd-vo YuNC RAN. In Russian.

Golovin V. V. (2000) Russkaya kolybel'naya pesnya v fol'klоре i literature [The Russian Lullaby in Folklore and Literature]. Turku: Åbo Akademi University Press. In Russian.

Dianova T. B. (2004) “Strela” i “Tri lastochki”: pesennyi tekst v pole traditsionnoi kul'tury [“Arrow” and “Three Swallows”: Song Lyrics in the Field of Traditional Culture]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Moscow University Bulletin]. Ser. 9. Filologiya. 2004. No. 4. Pp. 9–24. In Russian.

Dianova T. B. (2011) Pesni “obshcherusskogo repertuar” v sostave traditsii Russkogo Severa: diapazon adaptatsii pesenno-liricheskogo teksta [Songs of the “All-Russian Repertoire” as Part of the Traditions of the Russian North: A Range of Adaptations of Song Lyrics]. Ryabininskie chteniya-2011 [Ryabinin Readings-2011]. URL: <https://kizhi.karelia.ru/library/ryabininskie-chteniya-2011/1329.html?ysclid=m4jhwqp6r568436249> (accessed data: 10.12.2024). In Russian.

Kabakova G. I. (2004) Mat' [Mother]. In: Slavyanskіe drevnosti: Etnolingvistikheskii slovar' [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary].

Vol. 3. K (Krug) — P (Perepelka). Moscow: Mezhdunar. otnosheniya. Pp. 203–208. In Russian.

Kulikov L. V., Malyonova A. Yu., Potapova Yu. V. (2020) Sub'ektivnaya kartina materinstva v rossiiskih i zarubezhnyh issledovaniyah [The Subjective Picture of Motherhood in Russian and Foreign Studies]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Moscow University Bulletin]. 2020. Ser. 14. Psihologiya. No. 4. Pp. 135–167. In Russian.

Pushkina O. I. (2005) Reprezentatsiya arkhetaipa Materi v mifologicheskikh predstavleniyah vostochnykh slavyan [Representation of the Archetype of the Mother in the Mythological Representations of the Eastern Slavs]. Vesennyya shkola-2005. Mifologiya kak Sistema [Spring School-2005. Mythology as a System]. URL: <https://ruthenia.ru/folklore/pushkina1.htm> (accessed data: 10.12.2024). In Russian.

Raikova I. N. (2022) “S mosta v rechen'ku glyadela...”: fol'klorni obraz reki v kross-zhanrovom aspect [“I Looked from the Bridge into the River...”: The Folklore Image of the River in a Cross-Genre Aspect]. Simvolika vody v russkoi slovesnosti i mirovoi kul'ture [The Symbolism of Water in Russian Literature and World Culture]. A Collective Monograph. Moscow: Knigodel: MGPU. Pp. 171–183. In Russian.

Rudichenko T. S. (2004) Donskaya kazach'ya pesnya v istoricheskom razvitii [The Don Cossack Song in Its Historical Development]. Rostov n/D: Izd-vo Rostovskoi gos. konservatorii im. S. V. Rakhmaninova. In Russian.

© I. N. Raikova, 2025

ABOUT THE AUTHOR

Irina N. Raikova: <https://orcid.org/0000-0002-9064-3565>

E-mail: Nikolavna@inbox.ru

Tel.: +7 (499) 181-24-62

4, 2nd Selskokhozyaystvennyi pass., Moscow, 129226, Russian Federation

PhD in Philology, Docent, Professor, Department of the Philology, Research Director, Institute of the Humanities, Moscow City University; Scientific Editor, Scholarly Almanac “Traditional Culture”

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)